

Antica Poesia

ГОРАЦИЙ

О СЧАСТЬЕ,
Я К ТЕБЕ ВЗЫВАЮ!

Квинт Гораций Флакк
О счастье, я к тебе взываю!
Серия «Antica Poesia»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27447603

О счастье, я к тебе взываю!: РИПОЛ классик; Москва; 2017

ISBN 978-5-386-09867-4

Аннотация

Гораций – хрестоматийно известный древнеримский поэт, повлиявший на творчество едва ли не каждого поэта Золотого и Серебряного века в России. Кем он был? Одноклассником сына Цицерона, другом Мецената, персонажем «хита» литературы сплетен – «Жизни двенадцати Цезарей» Светония. Служил в армии Брута, презирал богатство и славу и, тем не менее, прославился в веках как сатирик и одописец. В этот том малой античной библиотеки вошли самые значимые произведения поэта в доконвенционных переводах русских классиков, что придает изданию особый колорит.

Содержание

Книга I	7
I	7
II	10
III	13
IV	16
V	17
VI	18
VII	20
VIII	22
IX	23
X	25
XI	27
XII	28
XIII	33
XIV	35
XV	37
XVI	39
XVII	41
XVIII	43
XIX	44
XX	45
XXI	46
XXII	47

XXIII	49
XXIV	50
XXV	52
XXVI	54
XXVII	55
XXVIII	57
XXIX	59
XXX	61
XXXI	62
XXXII	64
XXXIII	65
XXXIV	66
XXXV	67
XXXVI	71
XXXVII	73
XXXVIII	75
Книга II	76
I	76
II	80
III	82
IV	84
V	86
VI	87
VII	89
VIII	91
IX	93

X	95
XI	97
XII	99
XIII	101
XIV	103
XV	105
XVI	107
XVII	111
XVIII	113
XIX	117
XX	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Квинт Гораций Флакк

О счастье, я к тебе взываю!

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2017

Книга I

I

О Мecenат, царей потомок тирренийских,
Моя и слава и покров!
Иной в ристаньях олимпийских,
От колесницы пыль клубя до облаков,
5 Коль быстро колесом горящим
Мету опасну облетит,
Венчанный пальмою, к богам, земле судящим,
Уже себя взнесенным чтит.

Сего, коль рвение толпы непостоянной
10 На вышни почести взведет;
Того, коль с Ливии пространной
Все жатвы в житницу он собственну сберет;
Любящего сохой своею
Наследственны поля пахать.
15 За жребий Аттала не подстрекнешь ладьею
Эгей свирепый рассекать.

Купец, со трепетом зря бурный Афр полдневной
В борьбе с икарскою волной,
При ужасах пучины гневной,

20 Спокойство хвалит сел, приют укромный свой;
Но вдруг, лишь буря утихает,
И зыбь скалу престанет бить,
Он утлюю ладью поспешно исправляет,
Бессилен нищету сносить.

25 С вокалом старого мессийска гроздна сока,
Тот, легши под древесну тень
Иль близ священного потока,
Проводит деностно от утра целый день;
Другие любят ратны станы,
30 Смешенный труб с пищальми звук,
И Марса грозного потеху, подвиг бранный
Для матерей источник мук.

Под кровом светлых звезд ловец зимой ночует,
Хотя жена молодая ждет,
35 Коль серну верный пес почует
Иль дерзкий вепрь в лесу тенета разорвет.
Меня ж священный плющ равняет
С богами, вводит в их собор,
Меня в прохладе рощ от черни отделяет
40 Сатир и Нимф прелестных хор.

Свирели коль своей игривой, сладкогласной,
Эвтерпа мне не возбранит,
И Полимния коль согласно
Лезвийску громкую мне лютню острунит;
45 Когда, о Меценат! тобою

Причтусь к лирическим певцам:
Над злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звездным небесам!

Капнист В. В., 1818

II

Довольно уж Отец и градом и снегами
Всю землю покрывал, ничем неумолим:
Уж под его рукой, краснеющий громами
Трепещет Древний Рим.

5 Трепещет и народ, чтоб Пиррину годину,
Исполненную чуд, опять не встретил взор,
Тот век, когда Протей погнал свою скотину
Смотрети верхи гор,

И рыба втерлась там в вязовые вершины,
10 Где горлице лесной была знакома сень,
И плавал посреди подвижных пучины
Испуганный олень.

Мы видели, как Тибр, поворотя течение,
С этрусских берегов, желтеющей волной
15 На памятник царя направил разрушенье,
На Весты храм святой.

Стенаньем Илии на мщенье ополченный,
Он левым берегом, волнуясь, потек:
Потек наперекор властителю вселенной
20 Супружеский поток.

Да! Некогда про меч, покрытый кровью брата,
Блистати назначен победой над врагом,
Услышит молодежь, от отчего разврата
Уж малая числом.

25 Какое божество молити? Кто поможет
Народу изо всех в превратностях судьбы?
Какая песня жриц заставить Весту может
Девичьи внять мольбы?

Где очиститель, нам Юпитером избранный?
30 Но ты же все прийди, молением смягчен,
Увивши рамена одеждою туманной,
Вещатель Аполлон!

Сойди, блестящая улыбкой Эрицина,
Тебя Амур и Смех сопровождают в путь,
35 Иль удостой на чад возлюбленного сына
Сам праотец взглянуть!

Увы! Насытился кровавою игрою
Ты, любящий шелом воинственный и крик,
И Марса пешего над вражьей головою
40 Ожесточенный лик.

Склони, сын Майи, стань с проворными крылами
На образ юноши земной переменить:
Будем признавати, что избран ты богами
За Цезаря отмстить.

45 Надолго осчастливь избранный град Квирина:
Да не смутит тебя граждан его порок,
И поздно уж от нас подымет властелина
Летучий ветерок.

Триумфы горькие и славное прозвание
50 Владыки и отца принять не откажи,
И мида конного строптивное восстанье
Ты, Цезарь, [не] накажи.

Фет А. А., 1854

III

Да путь к тебе благословенный
Пошлет богиня красоты,
И братья страстные Елены,
Светящи с звездной высоты!
5 Да царь Эол все ветры свяжет,
И лишь попутному прикажет
Лелеять паруса твои!
Корабль! внуши мольбы мои:
К брегам афинским чрез пучину
10 С Виргилием безвредно рей
И вверенну тебе храни мне половину
Души моей.

Тот тверду грудь, как брус дубовый,
И сердце медное имел,
15 Кто первый чрез моря суровы
На легком плыть челне посмел:
Кто бурна Афра не страшился,
Когда с Бореем он стремился
В борьбу, смешивши дождь и град;
20 Кто пасмурных презрел Гиад;
Кому и Нот грозил напрасно, —
Сей, Адрии владыка злый,
Что взносит к облакам иль низит самовластно
Ее валы.

25 Какой вид смерти, лютым роком
Представленной, того страшит,
Кто на морях холодным оком
Чудовища плывущи зрят; –
Кто всхолмленны презрел пучины
30 И на керавнские вершины
Бесстрашно взоры возводил?
Вотще всемошный разделил
Страны безмерным Океаном;
Когда про дерзкий, утлый чолн.
35 Преплыл, на поприще морских зыбей пространном,
Разливы волн.

На все, что только запрещено,
Отважно смертный руку взнес!
Отважно, скрытый огонь священной
40 Похитил Промефей с небес
И вверил племенам развратным;
Но вслед за буйством святотатным
Болезни, глад, толпа забот
Снизшили тягчить строптивый род,
45 И скорбь лице земли покрыла,
Как моря шумного струя,
И, медленна дотоль, смерть грозна ускорила
Шаги свои.

В пустынях воздуха пространных
50 Дедал взносился на крылах;

Природой мудрой нам неданных;
Ираклий, сперши ада праг,
Шагнул чрез Ахерон глубокой –
Ничто для смертных не высоко!
55 Мы даже небесам самим,
В кичливой буйности, грозим!
И наши дерзки преступленья
Претят, чтоб Хрона грозный сын,
Смягчась, выпустил из рук перуны мщенья
60 На миг один.

Капнист В. В., 1821

IV

Суровая зима растаяла с возвратом
Зефира и весны; засохший киль канатом
Сдвигают на́ воду, не ма́нит ста́да хлев,
Ни пахаря очаг; не спит луг, побелев
5 Под инеем... Но хор выводит Цитерея
При блеске месяца, и, скромностью алея,
Из нимф и граций круг в лад ножкой топчет дёрн,
Пока Вулкан калит огнем циклопский горн.
Теперь-то и носить на кудрях надушенных
10 Венок зеленых мирт, цветы полей взрыхленных;
Теперь-то в сени рощ, для Фавна, их отца,
Заклать что хочет он – козленка иль тельца.
Смерть бледная стучит ногою без разбора
В лачужку и дворец... О Секстий, сумма дней,
15 Нам данных, не велит вдаль замышлять... Уж скоро
Тебя захватит Ночь, мир сказочных теней,
Плутонов бедный дом... Вступив за те ворота,
Не кинешь жребия на власть вокруг диота,
Не восхитит тебя там нежный Лицидас,
20 Любимец юношей, кумир девичьих глаз.

Крешев И. П., 1857

V

Кто этот молодой красавец, облит весь
Благоуханьями, посыпав роз на ложе,
В пещере сумрачной, тебя целует здесь
В простом наряде, для кого же

5 Связала ты узлом прядь русую кудрей?
Увы! Не раз богов превратных и измену
Оплачет смелый тот, дивясь на хлябь морей
Под черной бурей, кто цену

Тебе как золоту в доверьи придает,
10 Надеюсь, что тебе чужда любовь иная,
Что вечно любишь ты... Да, верит он, не зная
Как легок ветерка полет...

Жаль тех, кому блистешь ты прелестью продажной!..
А я – на храмовой стене гласит в народ
15 Обетная доска – клочки одежды влажной
Повесил в дар владыке вод.

Крешев И. П., 1854

VI

Тебя петь Варию, Герой непобедимый!
Стихов Меонии орел – он скажет нам,
Что воин совершал, тобою предводимый,
Верхом иль по волнам.

5 А я, Агриппа, мал на это от природы:
Ни Пелеида гнев жестокий не спою,
Ни бег двуличного Улисса через воды,
Ни Пелопса семью.

Мне стыдно унижать, не слушая сознания
10 И Музы, давшей мне напев небоевой,
Твои и Цезаря великого деянья
Убогою хвалой.

Кто воспоеет, как Марс блестит в броне алмазной,
Как черен, весь в пыли, троянский Мерсион?
15 Иль как Тидид везде в борьбе разнообразной
Палладой вознесен?

А я пою пиры да дев, в жестоком гнев
На юношей в бою острящих ноготь свой,
Хоть будь свободен я, хоть пламеней я к деве:
20 Таков обычай мой.

Phi A. A., 1856

VII

Хвалят иные Родос знаменитый, или Митилену,
Или Эфез и морского Коринфа
Стены, иль Вакховы Фивы, или Аполлоновы Дельфы
Славные, иль Фессалийския Темпы,
5 Только заботы другим целомудрой Паллады столицу
Песнею вечною славить и столько
Щипанной всеми себе увенчивать кудри оливой!
Многие хвалят, во славу Юноны,
Громкий конями Аргос да Микены, богаты златом.
10 Мне же не нравится так Лакедемон,
Преданный строгим трудам, ни поля плодоносной
Лариссы,
Как говорливый чертог Албуinei,
Анио быстротекущий да роща Тибура и тени
Влажных садов над живыми ручьями.
15 Как нередко и Нот стоняет с туманного неба
Тучи не вечно дождями чреватый,
Та к подумай и ты прекратить, рассудительный Планк
мой,
Всяки скорби и трудности жизни
Нежным вином: задержали ль тебя золоченые знаки
20 Лагеря, или широкою тенью
Твой Тибур приманит. Покидая отца в Саламине,
Тевкр, однако же, все (по рассказу)
Тополем свежим чело, окропленное Вакхом, увивши,

Та к к печальным друзьям обратился:

25 «Счастье добрее отца! Какой оно путь нам укажет,

Та к и пойдете, товарищи-друзи.

Что сокрушаться, коль Тевкр – предводитель и Тевкр –
предвещатель.

Сам Аполлон обещал непреложно

В новой стране потемнить Саламина давнишнюю славу.

30 О достойные, много со мною

Горя терпевшие мужи, вином прогоните печали!

Завтра опять в беспредельное море.

Фет А. А., 1856

VIII

О, ради всех богов, скажи мне, для чего
Так рано губишь ты любовью Сибарита?
Зачем на площади в жар не видать его,
Хоть не нужна ему ни в пыль, ни в зной защита?

5 Что ж между сверстников, доспехами звеня,
Не скачет он верхом и, натянув поводья,
Не укрощает бег строптивого коня?
Давно ли наш пловец боится мелководья?

Давно ли не блестит оливы сок на нем
10 И, как ехидны кровь, противен стал атлету?
Иль уж оружие руке той не в подъем,
Которая копье бросала через мету?

Зачем он прячется, как, говорят, Ахилл,
Когда висела смерть над бедным Илионом,
15 Скрывался, чтоб мужской наряд не потащил
Его из неги в бой, к ликийским легионам?

Крешев И. П., 1854

IX

Ты видишь, как Сократ от снега побелел:
Леса под инеем с повисшими ветвями
Едва не ломаются, и ток оцепенел
От злого холода меж сонными берегами.

5 На очаге огонь широкий разведя,
Ты стужу прогони веселою пирушкой,
И пей, о Талиарх, подвалов не щадя,
Четырехлетнее вино сабинской кружкой.

А впрочем, на богов бессмертных положишь:
10 В тот час, когда они ветрам повелевают
Не бороздить морей, не дрогнет кипарис,
И старых ясеней вершины замолкают.

Что завтра принесет – не спрашивай!
Лови минуты счастья душою благородной;
15 Не бегай, юноша, веселия любви,
Для сердца сладостной, и пляски хороводной.

Пока от седины угрюмой ты далек,
Теперь еще твое, по прихоти желанья,
Все: поле Марсово и площадь, в вечерок
20 Любовь при шепоте условного свиданья,

И в темном уголке красотки молодой
Предатель звонкий смех, и вовремя проворно
Похищенный у ней с руки залог немой
Иль с тонкого перста, упрямого притворно.

Фет А. А., 1856

X

Меркурий, Атласа красноречивый внук,
Меж древних дикарей ревнитель просвещения,
Народам сообщил ты речи первый звук
И ловкия движенья.

5 Тебя я воспою, Зевеса и богов
Лукавый посланец, родитель лиры гибкой.
Ты, что понравится, всегда украсть готов
С насмешливой улыбкой.

В младенчестве твоём, когда, быков сведя,
10 Угрозы пастыря ты, мальчик, испугался,
Покражу хитрую колчана оглядя,
Сам Аполлон смеялся.

Атридов суетных, при помощи твоей,
Оставив Илион, Приам, везущий злато,
15 И стана вражьего, и вражеских огней
Избег замысловато.

В жилище радости благочестивых ты
Толпу летучую теней сопровождаешь
Лозою золотой и богу высоты
20 И бездны угождаешь.

Phi A. A., 1856

XI

Оставь, грешно искать, какой тебе иль мне
Пошлет судьба конец! Гаданья Вавилона
Забудь! К чему нам знать, что сбудется к весне,
И много ль зим нам жить, иль волны Флегетона
5 Сегодня ж навсегда умчат отсюда нас? –
Играй и пей вино смеясь, Левконоя!
Болтая, тратим мы лишь время золотое:
Забыв о будущем, живи в текущий час.

Крестовский В. В., 1862

XII

Какого мужа иль ироя
Приемлет Клио прославлять?
Иль лиру нежную настроя,
Какого бога воспевать?
5 Или пищали громким тоном?
И шумный отголосок с громом
Чье имя повторит в стихах,
В странах священных Аполлона,
В пространствах Пинда – Геликона, –
10 В прохладных Гема деревьях.

Здесь песнопевец, наученный
Искусством матери своей,
Певец – и лирою волшебной
Неподражаемый Орфей –
15 Отсель своим пленял все пеньем,
Подвигнулись леса с стремленьем;
Он камни им одушевлял –
И быстры реки течь престали,
И скоры ветры песнь внимали,
20 И дубу слух он даровал.

Теперь кого дерзну я славить
Обычно – первую хвалой;
Того – того, который правит

Богами, смертных всех судьбой;
25 Который властен над землями;
Простер державу над водами;
Повсюду власть свою явил –
Зевеса! – коего веленьем
Текут времен часы с стремленьем;
30 И кто ему подобен был?

Из смертных ни один сильнее
Его во свете не рожден;
Нет небожителей мощнее;
Величеством он несравнен –
35 Но токмо почестъми Палладу,
За подвиги ее в награду,
Зевес превыше всех почтил;
По нем пред всеми та блистала,
Богиню мудрость украшала,
40 И с нею купно крепость сил.

Тебя, о Вакх, прейду в молчанье,
Толико сильного в войнах?
Богиню ль, что зверей в терзанье
Проводит дни в густых лесах?
45 Того ль, что грозны стрелы мечет,
Удара коих всяк трепещет,
Тебя, о мощный Аполлон!
Удары стрел твоих смертельны,
Стремленья их неложно верны;
50 Куда летит – отдастся стон.

Алкида вознесу хвалами,
И чад я Леды воспую,
Из коих Кастор в брань конями,
А Поллукс в рыцарском бою
55 Прехрабры подвиги являли.
Коль скоро звезды их сияли,
Пловцам счастливый знак бывал –
С утесов волны нистекали
И ветры сильны умолкали,
60 (По их желанью) Понт дремал.

К тебе, о Рима созидатель,
Я глас свой обращаю теперь;
К тебе, о кроткий обладатель!
При коем Рим в покое цвел?
65 Или тоскански украшенья,
Во время браней и сраженья,
Введенные Тарквиньем в Рим,
Предметом будут лирна тона?
Иль смерть великого Катона,
70 Свершенна благородно им?

Поведай Регула и скавров,
Поведай Павла, Муза, мне;
Как меч заставил Аннибалов
Кровь римску в каннской течь стране;
75 Тут Павел был великодушен,
Готовый пасть средь войск бездушен,

Постыдным чтит герою быть –
Осыпь Фабриция хвалами,
С простыми Куриям власами,
80 Камилла – и героев всех.

Мужей славь храбрость, коих бедность
И предков мала часть земли
Произвели в душах их ревность,
На степень славы возвели;
85 Их бедна хижина скрывала;
Но вдруг их храбрость воссияла
И с нею купно тьмы побед.
Как древа ветвь распространялась,
Маркелла слава умножалась,
90 И Юлий там лиет свой свет.

Льет свой свет – и пред огнями
Его созвездье всех светлей,
Как лунный свет перед звездами
Блится множеством лучей.
95 Отец богов – и всех хранитель
Сатурнов сын, судеб правитель,
Правитель Кесаревых дней –
Твоей его вручил рок власти,
Позволь, да правит в мирной части,
100 Да славы шествует стезей.

Хотя и Лацию грозящих
Под власть он парфян покорит;

Хотя врагов ужасных, мстящих
Он в прах и пепел обратит;
105 Хоть Сар и Инд падут с мольбою,
Да будет он храним тобою,
Тобой – толь сильным пред врагом.
Ужасен огонь в твоей деснице,
Гремишь в золотой ты колеснице,
110 На роцци мечешь мстящий гром.

Котельницкий А. М., 1796

XIII

Когда у Телефа ты розовую шею
Иль руки, белые как воск, похвалишь мне,
Тогда, о Лидия! владеть я не умею
Кипящей желчью в сердечной глубине;

5 Тогда рассудок я и цвет лица теряю,
А тихая слеза, сбегая вдоль ланит,
О том, каким огнем я внутренне сгораю,
Тебе предательски невольно говорит.

Горю, когда тебе, в невоздержанье грубом,
10 Блестящие плеча попойка исказит,
Иль пылкий юноша нетерпеливо зубом
Красу губы твоей надолго заклеямит.

О, если бы словам моим давалась вера.
Ты б знала, милая, как ненадежен тот,
15 Кто ротик твой чернит, которому Венера
Всю силу нектара небесного дает.

Трикраты счастливы любовники, трикраты,
Хранящие вовек ненарушимость уз;
Их дни так радостно согласиём богаты,
20 И лишь последний день расторгнет их союз.

Phi A. A., 1856

XIV

Не опять ли, корабль, волны несут тебя
В море? Ах придержишь якорем в пристани
Тихой. Разве не видишь:
Обе скамьи лишены весл?

5 Ветром щогла твоя бурным надломлена,
Снасти стонут. Корма может ли противу
Стать, без крепких канатов,
Напирающей силе волн!

Ветрил нет у тебя целых, и нет уже –
10 Коих можно б призвать в нужде – богов твоих.
Тщетно родом гордишься,
Что из славных Понтийских сосн

Ты состроен. Вотще хвалишься именем;
Не защита пловцу лепая живопись,
15 Коей ты изукрашен.
Берегись, чтоб опять не стать

Злых игралищем бурь. Сколько недавно мне
Стоил слез ты, корабль, сколько забот теперь!
Не вдавайся в неверну
20 Зыбь, где много блестящих скал.

Востоков А. X., 1805

XV

Когда на корабле Идейском увозил
Предательский пастух Елену через воды,
Нерей дыхание ветров остановил
Затем, чтоб горестные годы

5 Предречь. «Недобрых птиц ты видевши, домой
Увозишь пленницу недолгую Пергама;
Клянется Греция союз разрушить твой
И царство древнее Приама.

Увы! В каком поту и мужи и кони!
10 Как много Дарданов ты отошлешь к Аиду!
Паллада гневная готовит шлем, взгляни,
И колесницу, и эгиду.

Венеры баловень, вотще власы свои
Ты чешешь весело и женщинам так страстно,
15 На цитре сладостной бряцаешь гимн любви,
И в спальне избежать напрасно

Захочешь гносских стрел, и копий, и мечей...
Забуть и крик войны, и натиск неизбежный
Аякса. Но, увы, хоть поздно, любодей,
20 Покроет пыль твой волос нежный.

Улисса видишь ли, согражданам твоим
Врага? Ты видишь ли пилосского героя?
Уж саламинский Тевкр теснит тебя, за ним
Вослед Стенел, движений боя

25 Знаток, а ежели смиряет бег коней –
Возница ревностный. Вот Мерион, смотри-ка!
А вот, храбрей отца, Тидид среди мечей
Тебя глазами ищет дико.

И как олень в лугу, завидя волка, вдруг
30 Забывши о траве, со всей стремится силой –
Ты, робкий, от него бежишь, спирая дух,
Хоть обещал иное милой.

Отсрочат грозные фригийским женам дни
Ахилла гнев и с ним вражда
35 Агамемнона; но срок минет зимам... ахейские огни
Пожгут жилища Илиона.

Фет А. А., 1856

XVI

О дочь, рожденная от матери прекрасной –
И матери своей прекрасней несравненно!
Всегда, всегда повелевать
Ты можешь сáтирой моею;
5 Определи<ть> ее в моря,
Или повергнуть в лютый пламень!

Ни исступления всеведущей Цибелы,
Ни победителя Пифея поощренье,
Когда он души жриц своих
10 В убежище своем священном
Колелет страхом и мятет,
Ни Бахуса воспламененье,

Ни корибантами биемой меди звуки
С движеньем зависти и гнева не сравнятся.
15 Грозящий пагубою меч,
Моря шумящие и пламень
Его не могут удержать –
Вотще бы сам предстал Юпитер!

Когда из брения составил человека,
20 Вещают, Прометей премудростью своею,
От каждого он зверя взял
К его составу по частице,

А в сердце смертного вложил
Он силу львиного свирепства.

25 Гнев был причиною несчастья Тиеста –
Великолепные повержены им грады!
И победитель плуг влачил
По тем местам, где возвышались
Огромны здания врагов
30 И славные твердыней стены.

Прошу тебя – смягчи, смягчи ты лютость гнева;
Я сам его познал в дни юности цветущей.
И он меня вооружил
Разительным и сильным яббом!
35 Смягчилось сердце наконец,
И гнев не столько мной владеет.

Равно и ты умерь сердечное волнение;
Все то, что я писал, теперь опровергаю!
Я все забвению предаю,
40 Лишь только б ты меня простила,
Умерила свой строгий гнев
И возвратила прежнюю милость.

Тучков С. А., 1816

XVII

Нередко быстрый Фавн любезный свой Ликей
На холм приятного Лукретила меняет;
Он резвых коз моих, от пламенных лучей,
От бурь дождливых охраняет.

5 Козла угрюмого веселая семья
Там щиплет тимьян, бродя в кустах свободно:
Не страшна ей в траве зеленая змея,
Ни в хлеве лютый волк голодный.

Меж тем в пологостях роскошного леска
10 Свирили сладкий звук вдоль Устики несется
И, гладких скал крутых касаясь слегка,
В долинах эхом раздается.

О Тиндарида! Здесь под кровом я богов;
Приятна песнь моя и жертва им убога.
15 Посыплется тебе тут сельских всех даров
Богатство из обильна рога!

В уединенной здесь долине ты уйдешь
От зноя Сирия – и в рощах сей Темпеи
На лире тейской страсть к Улиссу воспоешь
20 И Пенелопы и Цирцеи.

Здесь легкий сок гроздей лесвийских ты со мной
Из чаши будешь пить под сению прохладной;
Раздора не страшись: здесь с пылким Вакхом в бой
Арей не вступит кровожадный.

25 От гнева Кира ты не будешь трепетать:
Не придет наглою он злостью воспаленный
В ревнивой ярости с тебя одежду рвать
И в локоны венки вплетенный!

Погорельский А., 1820

XVIII

Ты дерева, о Вар, не сей до винограда,
Где обошла Тибур катильская ограда.
Ведь трезвым бог вина все тяжкое дает,
И злых ничем иным не удалишь забот.

5 Кто вспомнит за вином про службу с нищетою?
Не все ль полны любви, полны, о Вакх, тобою?
Но Либера даров не преступать благих
Кентавров учит бой с Лапифами хмельных,

И злоба Эвия, сифонцам рокового,
10 В тот час, как различать благое от худого
Та к трудно страстному. Нет, чистый Вассареи,
Я тайны не дерзну умчать из-под ветвей

Священных напоказ. Уйми со злым тимпаном
Берецентийский рог: он возбуждает в пьяном
15 Порывы гордые – хвалить свои дела,
И тайн доверчивость прозрачнее стекла.

Фет А. А., 1856

XIX

Жестокая мать Купидонов,
И Фивской Семелы питомец живой,
Да резвая Прихоть велят мне
Любви позабытой предаться душой.

5 Сожжен я Глицеры красую,
Что блеском и мрамор паросский затмит,
Сожжен этой дерзостью милой
И взором, в нем страстная нега манит.

Ко мне устремившись, Венера
10 Оставила Кипр и мне петь не дает
Ни скифа, ни конного парфа,
Ни прочего, что в буйный ум ни придет.

Прислужники! Свежего дерну,
Да трав принесите сюда и вина
15 Двухлетнего в чаше, да мирры;
На жертву сойдет благосклонней она.

Фет А. А., 1856

XX

Сабинского вина, простого
Немного из больших кувшинов
Днесь выпьем у меня, Мецен!
Что сам, на греческих вин гнезда
5 Налив, я засмолил в тот день,
Когда, любезнейший мой рыцарь,
Народ тебя встречал в театре
Со плеском рук, – и гром от хвал
Твоих с берегов родимых Тибра
10 Звучал сверх Ватиканских гор.
Ты у себя вино секубско
И сладки пьешь калесски соки;
Но у меня их нет, и грозд
Ни формианский, ни фалернский
15 Моих не благовонит чаш.

Державин Г. Р., 1811

XXI

Лик юношей. Диану чистые воспойте девы в лике!
Лик дев. Да гласом юношей превознесется Феб!
Вместе. Латоны пойте в честь возлюбленной владыке,
В руках которого и Небо и Эреб!

5 Лик юношей. Ловитв богиню пой, рек ясных ток
кристальный,
Леса дремучие славь с чувством, нежный хор,
Венчающие Краг, хребет Алгида хладный
Иль мшистые скалы средь Эримантских гор!

Лик дев. Полей Темпейских вид, вид живописный,
милый,
10 Делос, где Феб рожден, пусть вас одушевят –
Прелестен с тулом он, прелестен с братней лирой,
На раме у него которые висят.

Лик юношей. Да отвратит она от Рима брань кроваву!
Лик дев. Да Феб нас сохранит от глада, язвы зол!
15 Вместе. Да принесет он их в враждебную державу,
Да Рим и Цезаря хранит, ваш вняв глагол.

XXII

Кто помыслами чист, кто жизнью непорочен –
Живи, благословя счастливый свой удел;
Опасностями будь не слишком озабочен,
У Марса не проси его тяжелых стрел!

5 Кавказом ли пойдешь, ливийскими ль степями,
Иль ступит там твоя несмелая нога,
Где лижет черными, гремящими волнами
Сомнительный Гидасп скалистые брега, –

Не бойся, добрый Фуск! Однажды, в тьму густую
10 Сабинских рощ зайдя, беспечно я блуждал
И все Лалагу пел и к ней любовь святую –
Вдруг волк навстречу мне... Он мимо пробежал!

А был чудовище, какого не питала
И Давния среди глухих своих лесов,
15 И степь юбийская ни разу не видала,
Сухая, знойная питательница львов.

Та к буду ли я там, где севера дыханье
Природу пышную безжалостно мертвит;
Где Феб дает одно холодное сиянье,
20 Где часто ярый дождь над нивами шумит;

Иль там я поселюсь, где небо дышит знойно
И желтая к земле склоняется трава, –
Везде я запою про милую спокойно,
И сладкие ее припомню я слова!

Берг Н., 1846

XXIII

О Лилла, ты бежишь! Так серна на горах
За робкой матерью стремится;
Порхнет ли соловей в кустах?
Дрожит – и ручейка журчания боится.
5 Коль ветер засвистит в дуплах,
Колена серна преклоняет;
На что неопытный свой взор ни обращает,
Все ей наводит страх!

О Лилла! я не тигр, воспитанный в лесах,
10 Не африканский лев с ужасными когтями!
В пример возьми подруг – они, в твоих летах,
Не все беседуют с одними матерями:
Не погаси огня, волнующего кровь;
Пора узнать любовь!

Пушкин В. Л., 1808

XXIV

Нам ли печали стыдиться? Нам ли знать меру
Грусти о столь драгоценной главе? Мельпомена!
Пой печальную песнь, ты, которой родитель
Дал с цитрой и сладостный голос!

5 Да! И Квинтилий сном мрачным заснул – где отныне
Скромность и Верность, сестра Справедливости честной,
С Правдой нагою, – ему подобного мужа
Где найдут между смертных?

Многие честные люди льют о нем слезы!
10 Но, о Виргилий, никто, как ты, не крушится!
Богобоязненный, тщетно молил ты бессмертных –
Боги не отдали друга!

Если б Орфея фракийского слаще на лире
Звуки ты издавал, и древа бы внимали,
15 То и тогда бы кровь не могла возвратиться
Тщетному образу, тени!

Тени, которой Меркурий, не внемля молитвам,
Грозным жезлом указал путь к черному стаду!
Горько – но что возратить нам уже не возможно,
20 То легче творит нам терпенье!

Дмитриева М. А., 1856

XXV

Реже у окон твоих молодежь собирается. Реже
Шумный их говор тебя пробуждает от сладкой дремоты.
Дверь покорилась замку; а бывало, она то и дело
Звонко на петлях визжит...

5 Нынче, как длинная ночь разольется широко по небу,
Реже и реже к тебе долетают признанья влюбленных,
Реже ты слышишь теперь: «Умираю от страсти
безумной...»
Ты же – о Лидия! – спишь...

Скоро настанет пора: ты совсем отцветешь, и тогда-то,
10 В улице темной бродя и знобимая ветром холодным,
Вспомнишь невольно о тех, на которых ты прежде
смотрела
С ленивым презреньем... Тогда

Сердце твое, как огонь, запыляет мятежной страстью,
Будет оно день и ночь беспрестанным желаньем
терзаться;
15 Кровь потечет у тебя, как по жилам степной
кобылицы.
Ищущей в степи коня...

Тщетно ты взглянешь назад... Ведь румяная молодость

любит

Мирты цветущие: лист, отлученный грозой от ветки,
Гордо кидает она, не заботясь о нем, в волны Эбра,
20 Спутника мертвой зимы...

Дуров С. Ф., 1848

XXVI

Друг Муз, я отдаю тоску и страх печальный
Мчат к морю Критскому бунтующим ветрам.
И думать позабыл, кого же север дальний
Страшится мощного по хладным берегам.

5 Узнал ли Тиридат про козни боевые?
О ты, влюбившая ручьев прозрачный ток,
Пимплея сладкая! Свивай цветы молодые,
Свивай для Ламия мне милого венок.

Без помощи твоей моя хвала не стройна:
10 Его опять воспеть и на струнах иных
Лесбейской лирою превознести достойно
Прилично лишь тебе в кругу сестер твоих.

Фет А. А., 1856

XXVII

Бокалом, созданным к веселью, воевать
Фракийцам свойственно. Обычай тот неправый
Оставьте варварам и бойтесь обижать
Лиэя скромного вы распрею кровавой.

5 Вину и факелам индийца острый меч
Противоречие ужасное. Смягчите
Крикливо-вздорную заносчивую речь
И, чинно подпершись локтями, возлежите.

Фалерна терпкого я с вами выпить рад,
10 Но с оговоркою, друзья мои, одною:
Пусть опунтийской нам Мегиллы скажет брат,
Кем сладко ранен он и чьей пронзен стрелою.

Не хочешь? Ни за что другое я не пью!
Но, как ни покорен Венераию властью,
15 Краснеть не будешь ты за милую свою
И можешь погрешить лишь благородной страстью.

Что б в сердце ни таил, не опасайся – вверь
Ушам надежным все. Увы, лишен ты воли.
Какой Харибдою ты поглощен теперь,
20 Несчастный юноша, достойный лучшей доли!

Какой же маг тебя, ворожея иль бог
Избавит наконец от гибели великой.
С трудом бы и Пегас тебя похитить мог
Из пагубных когтей Химеры троеликой.

Фет А. А., 1856

XXVIII

Гораций. Ах! Не тебя ли земель, и морей, и песков
беспредельных,
мира измеритель, Архитас, кроет
здесь на бреге матинском персти ничтожные малый
памяти дар? К чему же служило,
5 что ты селенья изведаль эфирны, круглое духом
небо обтек ты – что пользы в час смертный!..
Архитас. Пал и родитель Пелопса, божественных
пиршеств участник;
быстро Титон в превыспренних скрылся;
скрылся Минос, к Зевесовым тайнам доступный; держит
10 Тартар сына Пентеева, дважды
в ад нисходяща, хотя на щите пригвожденном во храме
время он Трои сказал и не боле
смерти злой уступил, как бранные кости и прах свой;
ты свидетель: он был непостыдный
15 нравов природы судья – но мрачная Ночь надо
всеми!..
Всем протоптать путь верный ко смерти;
гонит Фурия тех на гибельны игрища Марса;
тех алчба предает на жертву пучине.
Смешанны юношей, старцев густятся могилы, свирепа
20 ни одной главы не щадит Прозерпина;
так и меня, сопутник сходящего в мрак Ориона,
Нот погубил на водах Иллирийских.

Ты же, пловец, будь добр, не скупись, от песков здесь
сыпучих
не погребенной главе и костям сим
25 горсть подай на покой; и за то, при буре ревущей,
с треском падающим Венузии соснам,
ты, торжествующий, будешь безвреден – и многи корысти
вдруг неожиданны хлынут от Зевса,
правых отца и Нептуна, великого стража Тарента!
30 Иль не боишься привить недостойну
чадам послерожденным казнь? Верь: тайная Сила,
суд избежной, злобных каратель
поразит и тебя самого; не останусь в мольбах
неотмщенный!
Нет к очищению жертвы довольной!
35 Ты поспешаешь? Мгновенье могиле! Брось токмо
трикраты
праха на прах мой и шествуй надежно!..

Мерзляков А. Ф., 1824

XXIX

Что вижу? Иссий, ты! Ты зришь завистным оком
На злато Африки и в рвении жестоком
Готовишь ужас битв царю сабейских стран,
Оковы возложить идешь на фракиян!

5 Какая варварка прекрасная, младая
Невольницей твоей пребудет, воздыхая
Лишь о возлюбленном потоки слез своим,
Ты коего пронзишь безжалостно мечом?

Какой молодой герой, искусно наученный
10 Метанью легких стрел, тобой в бою
плененный,
Предстанет пред тебя, с избраннейшим вином,
Когда ты будешь пить за роскошным столом?

Возможно ль не сказать, что с гор шумящи воды
К вершинам могут течь, презря закон природы,
15 Что Тибр к источнику волненье устремит,
Когда тебя прельстил меч острый, твердый щит?

Ты книг Панетия бежишь, пленясь войною,
Сократа правила презренны уж тобою;
Ты, кой неложный блеск надежды всем являл,
20 Собрание наук на латы променял.

Тучков С. А., 1816

XXX

Царица Пафоса и Гнида, –
Оставь роскошный Кипр, любезная Киприда,
И принесишь в блестящий храм,
Устроенный тебе Глицерией младою;
5 Она возжжет тебе душистый фимиам
И мирро излиет обильною струею.
Да спустится с тобой и пламенный Эрот,
И купа милая Харит веселых,
И нимфы нежные в одеждах белых,
10 И юность – без тебя лишенная красот,
И бог – путеводитель теней
К туманным берегам безвыходных селений.

Загорский М. П., 1825

XXXI

Какого счастья желает,
О Аполлон, питомец твой,
Когда он в честь твою из чаши изливает
Вино усердною рукой?
5 Не просит камней он индийских драгоценных,
Ни жатв Сицилии роскошных берегов;
Не просит сочных он плодов
Стран, тихую волной Мериса орошенных.
В чаны дубовые собирая виноград,
10 Пусть хвалится судьбой владеющий садами!
Богатство получив за дальними морями,
Пусть счастливый пловец, средь неги и прохлад,
С друзьями время провождает
И кубок золотой
15 С вином фалернским осушает!
Да будет он храним судьбой!
Да корабли его, несомые волнами,
Без опасенья бурь чрез океан текут
И перлы в дань ему и яхонты несут!
20 А я под тень древес, Минерве посвященных,
Скрываясь, не прошу ни злата, ни садов!
Прошу я мирных дней, часов уединенных!
Да буду в старости, по благости богов,
Покрытый сединами,
25 Тебя, Латоны сын, на лире воспевать,

И нежно-звучными стихами
Мой ясный вечер усладить!

Пушкин В. Л., 1818

XXXII

Нас просят. Ежели способно дни и годы
Иль многих пережить все то, что мы с тобой
Бряцали в тишине, – о лира, песнь народа
Латинского пропой.

5 Впервые певшая Лесбоса гражданину,
Который, как в бою отваги ни был полн,
С тобою забывал доспехи и пучину,
Привязывая челн.

И Либера, и Муз тогда твой славил голос,
10 Венеру, мальчика, что неразлучен с ней,
И Лика, юноши-красавца, черный волос
И черных блеск очей.

Зевесу милая и Феба украшенье,
Обители богов отрадная самой,
15 Внимай мне, сладкое трудов успокоенье,
Зовущему с мольбой.

Фет А. А., 1856.

XXXIII

Мой Альбий, не тоскуй без меры, огорчен
Глицерой ветреной, и, грусти не тревожа,
Элегий ты не пой о том, что предпочтен
Тебе годами помоложе.

5 Кир, в Ликориде жар любви воспламенив,
Забыл ея чело, стесненное кудрями,
Для гордой Полой... но прежде козы нив
Сойдутся с горными волками,

Чем Полоя падет с противным наглецом.
10 Венера хочет так: ей весело неравных
И телом и душой вязать одним ярмом
В игре причуд жестоконравных.

Я сам, как бог любви мне счастье обещал,
Миртале отдался в приятные оковы,
15 А волны Адрия у калабрийских скал
Не столь кипучи и суровы.

Фет А. А., 1856

XXXIV

Скудный богов почитатель и ветреный;
Мудростию заблужденный безумною,
Ныне задумал ветрила поставить я
Вспять и, расставшись с пучиною шумною,

5 Путь отыскать, потому что Юпитер, бог,
Вечно огнем потрясавший над тучею,
С громом промчал по лазури безоблачной
Звучных коней с колесницей летучею,

Коей земля и потоки подвижные,
10 Коею Стикс, и Тенара глубокое
Страшное дно, и граница Атлантская
Вмиг сотрясаются. Властен высокое

Бог преклонить и затмить лучезарное,
Тьму озаривши. Фортуна меняется,
15 Там похищает венец быстрокрылая,
Здесь, возложивши его, улыбается.

Фет А. А., 1856

XXXV

О ты, что в Антима хвалами
И жертвой чтима каждый час!
Богиня счастья! Ты играми
Своими удивляешь нас.

5 Обряд плачевный погребенья
Ты можешь в радость претворить
И смертного во тьме презренья
Возможешь славой озарить.

Тебя, владеющую морями,
10 Пловцы с усердием зовут;
Сел тихих жители мольбами
Среди лесов и хижин чтут.

Бродящий скиф и дак убогий,
Латинов храбрых гордый род,
15 Твоей трепещут власти строгой
Вельможи, грады и народ.

Тебя властители Вселенной
Страшатся средь богатств своих;
Каменья, пурпур златошвенный
20 Не могут успокоить их.

Боятся, чтоб рукой незримой
Ты их не опровергла, власть,
И чтоб народ неукротимый
Не и збрал бы другую часть,

25 Чтоб граждан мирных не восставил
Он противу самих царей,
Чтоб иго рабства не оставил
И тьмой не возгремел мечей.

Предходит бедность пред тобою,
30 И все признаки тяжких бед
Своей железною рукою
Необходимость с ней несет.

Тебе последует надежда
И вера по твоим стопам;
35 Богинь сих белая одежда
Мечтается нередко нам.

Сама нередко добродетель
Соединяется с тобой;
Убогий, воин, царь, владетель –
40 Все чтут закон, богиня, твой.

Когда ж ты черные одежды
Возложишь в гневе на себя –
Тех оросишь слезами вежды,
Что уповают на тебя.

45 Могучею своей рукою
Затмишь сияючи венцы;
Тогда, плененные тобою,
От них сокроются льстецы.

Сокроются друзья неверны,
50 Когда возьмешь ты оборот,
И в страхе лютом легковерный
Оставит их тогда народ.

О счастье, я к тебе взываю!
Блуди дни Августа и трон.
55 Тебе монарха поручаю;
Далекий путь предпринял он –

Против британцев страшных ныне
На край Вселенной он идет;
Храни ты в счастливой судьбине
60 Всех, кто оружие с ним несет.

На брег идущих Черна моря,
Во шлемах блещущих своих,
Храни от бед и люта горя
Преславных воинов младых.

65 Увы, сколь мы должны стыдиться
Грехов, раздоров, наших ран!
Еще везде по стогнам зрится

Кровь наших братьев, сограждан.

На все преступники дерзали
70 Среди ужасных оных дней;
К богам почтенье отвергали,
Забвен был стыд и страх властей.

Который жертвенник остался
Рукою нашей пощажен?
75 Где дом, который бы считался
В раздор вражды не погружен?

Богиня, днесь внемли моленье,
Свой кроткий взор на нас прости;
Мечи арабов на пронзенье
80 И массагетов изостри.

Тучков С. А., 1816

XXXVI

И ладаном мы, и струнами
Почтим охранявших Нумиду богов.
И кровью, пролитой тельцами,
Что прибыл с гесперских он цел берегов.

5 Лобзанья кругом расточая
Любезным друзьям, к одному всех тесней
Он Ламию льнет, вспоминая
Про общего дядьку ребяческих дней,

Про тоги, прельщавшие взоры.
10 Пусть белая день нам отметит черта,
Пусть меры не знают амфоры,
Ни устали в пляске салийской пята!

Чтоб Басе с Дамалидой равнялся!
Глотком по-фракийски из чаши он пей,
15 Чтоб розами пир украшался,
И свежей пеструшкой, и цветом лилей!

Все клонят и взоры, и речи
К одной Дамалиде; но дева рукой
Любовника нового плечи
20 Тесней обвивает, чем плющ молодой.

Phi A. A., 1856

XXXVII

Теперь давайте пить и вольною ногою
О землю ударять; теперь, о други, нам
Пора салийских яств украсить чередою
Подстилки божествам.

5 Дотоле было грех из отчего подвала
Старинный цекуб брать, преступно было пить,
Пока царица нас поработить мечтала
А Капитолий срыть.

С толпой своих мущин болезненной и гадкой
10 Мечтала так она о том, что выше сил,
Вполне упоена улыбкой счастья сладкой...
Но гордость усмирил

Едва один корабль, бежавший истребленья, –
А дух спасавшейся к родимым берегам
15 Ей Цезарь протрезвил от чада опьяненья,
На веслах, по волнам,

Погнавшись ей вослед (так гонит ястреб горный
Пугливых голубей иль зайца так точь-в-точь
В лесах Гемонии следит ловец проворный),
20 Чтоб рока злую дочь

Цепями оковать; но, смерти благородной
Взалкавши, мужества неженского полна,
Меча не устрашась, на дальний берег свободный
Не бросилась она.

25 Нет, с радостным челом она взирает смело
На грустный свой чертог и, храбрая стократ,
Ласкает лютых змий, чтоб царственное тело
Всосало черный яд.

Обдумав смерть свою, достойную царицы,
30 Либурнам торжество расстроила она
И не пошла рабой у гордой колесницы
Великая жена.

Фет А. А., 1856

XXXVIII

Персидску пышность презираю;
Венка иметь я не желаю,
Что связан липовой корой.
Ты не ищи, где поздняя роза
5 За день до зимнего мороза
Блится красотой.

Доволен миртой я простою,
Она прилична нам с тобою;
Тебе – как станешь подносить
10 Вино, из гроздов мной возвращенных,
А мне – под сводом древ сплетенных
Когда я стану пить.

Капнист В. В., 1818

Книга II

I

Петь ужас битв междоусобных,
В Метелловы пылавши дни,
Явишь в сказаниях подробных,
Отколь рождались те огни;
5 Представить беспорядки многи,
Премены счастья людей,
Познать сокрытые дороги
И связи пагубны вождей,

Расстройства страшные представить,
10 Оружие римлян в крови,
Преступных трепетать заставить –
Есть труд великий в наши дни
И предприятие столь страшно,
Как путь там дерзко править свой,
15 Где пламя, люто и ужасно,
Скрывает вред свой под золой.

Оракул римлян и Сената,
Смягчающий несчастных стон;
Клевет гонитель и разврата,

20 О ты, великий Поллион!
Войной против диммантов славной
Обрел ты лавровый венец!
Оставь трагедии печальной
Глагол, прелестнейший певец!

25 Концом великих дел гордяся,
Исполни то, что многи ждут;
В котурнах паки возносяся,
Приятный свой воспримешь труд.
Уже через тебя внимает
30 Наш слух трубы военный строй,
И блеск оружия поражает
Коней и всадников собой!

Я слышу глас вождей, героев,
Покрытых прахом на полях,
35 Я зрю победоносных воев,
Свирепство брани, лютость, страх!
Кроме великого Катона,
Я вижу в ужасе весь свет!
Не может сильная Юнона
40 Избавить Африку от бед!

Хотя все боги оставляют
Ее погибели своей,
Но гнев потомкам свой являют,
Преславных в свете тех мужей,
45 Ее которы устрашали,

Бедами некими влекут
Ко умноженью зол, печали
Югурте в жертву кровь их льют!

Какое поле не покажет
50 Чрез гробы зримые римлян,
Какое море нам не скажет
Погибель наших сограждán?
Поля, утесы гор, долины
Моря и воды быстрых рек,
55 Леса откроют и стремнины,
Где ток преступной крови тек!

Рекут Гесперии паденье,
И звук, достигший до парфян!
Грабительство и разоренье,
60 Струи кровавы, лютость ран!
Где место, кое бы спаслося
От дерзновенных хищных рук?
Везде оружие неслоя,
Везде войны был слышен звук!

65 Оставь, о Муза, древность вида,
Забав своих не забывай,
Плачевны песни Симонида
В стихах моих не обновляй.
Тебе прохладные пещеры
70 Легчайши песни возродят,
Пусть только прелести Венеры

Забавы, игры в них гремят!

Тучков С. А., 1816

II

Нет цены серебру, в подземельях темных,
блеска нет ему на земле, враг лихвы,
Кист Саллюстий, коль не блестит разумным
употребленьем!

5 Долго будет жить Прокулей почтенный,
братьям как отец разделивший блага;
мужа выспрь несет на нетленных крылах
слава к потомкам!

Царь всемогущий ты, коль смиряешь страсти;
10 шире власть твоя, чем того, кто бреги
афров, кто Гадес Карфагена оба
правит единый!

В теле злой недуг возрастает негой;
жажда нас томит, коль вина болезни
15 не оставит жил, со бледных членов
слабость не сгонят.

Кира трон себе возвратил Фраатес;
счастлив, мыслят, – нет! Несогласна с чернью
доблесть, злого часть освятить презрела,
20 миру урок дав,

как ценить людей – Диадиму царство,
лавров чистых дар, отнесла другому,
кто горящих глаз на громады злата
не обращает!

Мерзляков А. Ф., 1826

III

В бедах разумен будь, сноси их твердо, Деллий,
И радость резвую старайся умерять;
Мы все, мой друг, идем к одной и той же цели –
Когда-нибудь нам всем придется умирать.

5 Пройдет ли жизнь твоя среди тоски тяжелой
Иль будешь ты, склонясь на мягкие цветы,
Вкушать фалернское, беспечный и веселый, –
Мой друг, не забывай, что не бессмертен ты.

Где гордая сосна и тополь серебристый
10 Гостеприимную кидают тень кругом
И где бежит, шумя своей волною чистой,
Серебряный ручей извилистым путем,

Туда рабам принести вина и умащений
И быстрвянущих душистых роз вели,
15 Пока еще не стар, пока нет грусти тени
И Парки нить твою пока не отвили.

Пора придет – свой дом покинешь ты и виллу,
Где пробегает Тибр зеленою волной;
Оставишь все, мой друг, что было сердцу мило,
20 И все сокровища возьмет наследник твой.

Будь человек богат и родом от Инаха,
Будь и не знатен он, знай горести одне –
Все без различия мы станем горстью праха,
И в темной Орковой очнемся стороне.

25 Мы к общей пропасти, гонимы смертью грозной,
Идем без отдыха – всех равный жребий ждет;
Кружится в урне он, и рано или поздно
Он выпадет и нас в изгнанье отошлет.

Кельш Н., 1855

IV

Не укоряй себя напрасно,
О друг, к невольнице прекрасной!
Твоя любовь – тебе не стыд.
И Ахиллес, надменный сын Фетиды,
5 Был пленником плененной Бризеиды;
И вождь героев, сам Атрид
(Когда Фессалии победные дружины
Телами варваров усеяли равнины,
И смертью Гектора отмстя своим врагам –
10 Отверзли грекам путь в Пергам), –
Атрид, свершив свой подвиг брани,
Среди торжеств и ликований,
Забыв высокий свой удел,
И сонм народов полвселенной,
15 И гнев Аякса, пламенел
Любовью к деве похищенной.
Тебя с невольницей твоей
Не посрамит соединенье!
Филлида от самих царей
20 Прияла славное рожденье.
Не в низкой доле рождена,
Но гневом грозного Пената
Ей доля низкая дана.
Ее презренье к блеску злата,
25 Ее невинность и любовь,

Величье поступи свободной
И вкус одежды, благородной,
Являют матери в ней кровь.

Но не ревнуй! Любуясь ею,
30 Хваля Филлиды стройность, цвет
И груди девственной лелею
Я не забыл: мне сорок лет!

Вердеревский В., 1827

V

Не отрешай от ветки молодой
Незрелых кистей винограда!
Дай им доспеть в приюте сада.
Когда проникнет теплотой
5 И зарумянит их осеннее светило;
Когда в безжизненном, бессильном их стебле
Вдруг закипит и жизнь и сила;
Когда их сочный плод наклонится к земле –
Тогда, рукою терпеливой,
10 В угоду жажды их сорви!..
Она дитя – нет чувства, нет любви
В очах Ликориды стыдливой!
В ее груди желанье спит;
Но протекут стрелою годы,
15 И для тебя рука самой природы
Сей виноград желанный возрастит!

Вердеревский В., 1827

VI

Септимий! Ты всюду со мною готов –
К кантабрам, где иго неведомо Рима;
И в дикие степи, где, зноем палима,
У маврских клокочет волна берегов.

5 Тибур нам воздвигли аргивские длани.
Пусть будет он кровом дряхлеющих дней.
Я здесь успокоюсь, как странник морей,
Как путник усталый, как воин по брани.

Отсюда ль исторгнет судьбины вражда?
10 Я твой, о Таренто, Фалантом созданный,
Где воды Галеза, цветами венчанна,
Пьют шерстью шелковой одеты стада.

Как ласково манит сей угол счастливый!
Другого в подлунной не знает мой взор:
15 Там соты душисты Гиметту укор,
Там маслина спорит с венафрской оливой.

Почти непрерывно цветет там весна;
Короткие зимы теплы, не суровы;
Авлон, дружный с Вакхом, лелеет готовы
20 Не меньше фалернских запасы вина.

Туда, мой Септимий, от бурного света
В обитель покоя пойдешь ты со мной;
Там дружбе заплатишь, печальной слезой
Омывши горячий прах друга – поэта.

Орлов В. И., 1824

VII

О ты, что смерти страх не раз со мной делил,
Когда нас Брут водил во времена былыя,
Кто наконец тебя квиритом возвратил
Отеческим богам под небеса родныя?

5 Помпей, товарищ мой, первейший из друзей,
С кем часто долгий день вином мы коротали
В венках, сирийский весь растративши елей,
Которым волоса душистые сияли!

С тобой я пережил Филиппы, при тебе
10 Бежал, бесславно щит свой покидая в страхе.
В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли во прахе.

Но средь врагов меня, в туман сокрыв густой,
Испуганного, спас Меркурий быстрокрылый,
15 Тебя ж в сражение за новою волной
Опять умчал прилив неотразимой силой.

Итак, обещанный Зевесу пир устрой
И отдыха ищи для членов утомленных
Войною долгою, под лавр склонившись мой,
20 Да не щади тебе бутылок обреченных.

Массийской влагою размывчивой щедрей
Фиалы светлые наполни и смелее
Из емких раковин благоуханья лей.
Кто позаботится достать плюща скорее

25 Иль мирта для венков? Кого-то избрет
Венера во главу пирующего круга?
Со мной теперь любой фракиец не сопьет:
Та к сладко буйствовать при возвращеньи друга.

Фет А. А., 1856

VIII

Если б боги милосердия
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания, –
5 Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы.
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь – и прекраснее!
10 И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой,
Голос, взор твой привлекательней!
И, богами вдохновенная,
15 Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается,
Сколько презренных терзается
20 Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
25 Хотя раз, хоть на мгновение

Обратится на волшебницу!..

Давыдов Д. В., 1832

IX

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
5 Не ежедневно в круге года
Тягчит верхи рифейски лед;
В дубравах воеет непогода,
И вихрь с деревьев листья рвет.

А томный вопль твой мила друга
10 Не престаёт из гроба звать!
Светило дня с сафирна круга
Спешит ли в море бег скончать;
Вослед ли золотой денницы
Течёт оно на свод небес;
15 Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стенал, ток слез проливши,
20 Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,
Кропилась хладная могила

Росою слез троянских дев.

25 Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем
С десницей Росса неразлучны
Победы, новой славы гром;
Как быстрый Пад пред ним смирился;
30 И алчна гидра вспять бежит;
Хребет Альпийский преклонился,
И Галл в ущельях гор дрожит.

Капнист В. В., 1806

X

Всего безопаснее будет, Лициний, твой путь,
Когда ты не станешь пускаться в безбрежное море;
Не станешь и жаться о скал неприступную грудь,
Свободен от бездны <суровой> напасти и горя.

5 Златую посредственность всюду ища и любя,
Навеки себя оградишь ты от бедности грустной;
Но также в роскошных палатах не встретит тебя
Завистников злоба иль происки лести искусной.

Высокие ели сильнее при ветре шумят,
10 Высокие башни и стены скорей упадают;
Там бури и громы свирепей и доле шумят,
Где снежные горы до облак чело поднимают.

Надеясь в несчастье, а в счастье недолгом боясь,
Дух твердый, и горе, и радость спокойно проводит;
15 Юпитер низводит на землю зиму, но являсь
В одежде морозной, с весною она и проходит.
Когда теперь худо – ужели так будет всегда?
Сам Феб призатихшие струны всегда ль оживляет?
И Музу замолкшую к песням ужели всегда
20 Цитары нежданно исторгнутый звук пробуждает?

В несчастье являйся могущим его победить,

Лициний, в тяжелые скорби и горя минуты;
Но в счастья неверном умей и скорей опустить
Свой парус широкий, судьбой через меру надутый.

Рудневич М., 1858

XI

Что скифы и кантабр отважный замышляют,
Ты Квинтий мой Гирпин, не вопрошай вперед,
Ведь с ними Адрия нас волны разделяют!
И полно трепетать, что мало жизнь дает.

5 Да много ль нужно нам? Всему свои законы:
Уходит красота за юностью живой,
Игриво-нежные умчатся Купидоны,
Исчезнет легкий сон пред тощей сединой.

Цветы весенние не вечно расцветают,
10 И не в одной поре блистает лунный лик.
Что ж замыслы тебя далекие терзают?
Для духа смертного круг вечности велик.

Не лучше ли в тени, под рослым тем платаном,
Иль под сосною здесь раскинуться в траве
15 И пить, доколе жизнь еще в удел дана нам,
В венке душистых роз на белой голове,

И нардом умастьясь сирийским? Эвий верно
Рассеет нашу грусть. Кто, мальчики, скорей
Бокалы цельного из дальних стран фалерна
20 Опустит затушить в сверкающий ручей?

Кто ходит в дальний дом за Лидой сладострастной?
Скажи, чтоб с лирою она пришла. Мы ждем.
А волосы свои – к чему убор напрасный? –
Хоть по-спартански пусть свернет она узлом.

Фет А. А., 1856

XII

Не требуй: не для струн, изнеженных любовью,
Нуманции война, суровый Аннибал,
Иль сицилийских вод, облитых Пуннов кровью,
Еще досель багряный вал,

5 Иль бой Лапитов и Гилея хмель угарный,
И Геркулесовой сраженные рукой
Сыны Земли, и дом Сатурна лучезарный,
Дрожавший от борьбы такой.

Ты лучше, Меценат, непринужденной прозой
10 Расскажешь Цезаря воинские дела,
И как вождей, еще сверкающих угрозой,
Победа под ярмом вела...

А мне дан музою строй сладостного пенья,
Чтоб славить ясный взор Лицимнии моей
15 И сердце верного взаимные биенья...
Как милы, как пристали к ней

И танцы легкие, и шуток спор игривый,
Когда на празднике Дианы, под напев,
Рука ее, шутя, сплетается в извивах
20 Веселой пляски свежих дев!

Ужели б отдал ты за пажити и слитки
Мигдонекой Фригии, за сундуки царей,
За дом, где сложены Аравии избытки,
Кольцо Лицимнии кудрей,

25 Когда к пылающим губам она немного
То склонит шейку, то – лукавица! – любя
Насильный поцелуй, заспорит полустрого –
И поцелует вдруг тебя?

Крешев И. П., 1856

XIII

Тот, кто бы ни был он, недобрый день избрал
Садить тебя рукой, свершавшей преступленья,
Кто рост твой медленный, о древо! охранял,
На гибель правнуков и на позор селенья.

5 Что и родителю – поверю я о нем –
Он выю сокрушил, что крался к изголовью
Он в полуночный час к забывшемуся сном,
И спальню темную обрызгал гостя кровью;

Колхийский яд мешал и всех был полон зол,
10 Какие где-либо свершались, насаждавший
На поле у меня тебя, несчастный ствол,
Владельцу на главу невинную упавший.

Кому чего бежать – никто и никогда
Не знает из людей. Трепещет лишь Босфора
15 Пунийский плаватель и больше никуда
На жребий свой слепой не обращает взора;

Бойтся воин стрел и быстроты парфян:
Парфянам цепь страшна да италийцев сила –
Но смерть нежданная, безжалостный тиран,
20 Уносит племена, как прежде уносила.

В твоём владении, о Прозерпина, я
Эака судию чуть не увидел близко,
И праведных теней отдельные края,
И Саффо грустную, на голос эолийский

25 О девах родины поющую с тоской,
И с лирой, полную громчайших песнопений,
Тебя, Алкей, певец погибели морской
И бегства злых трудов и бедствия сражений.

В священной тишине, как должно, круг теней
30 Обоим внемлет им – и радуется духом,
Но песни про войну, про изгнанных царей
Толпа плечо с плечом пьет ненасытным ухом.

Что дивного? Когда лишь песня зазвучит,
Стоглавый зверь смущен и уши шевелятся,
35 Повиснув, черные, а змеи Эвменид,
Свиваясь меж волос летучих, веселятся;

Не страждет Прометей, и Пелопса отец
Забыл мучения под звук красноречивый,
И не преследует сам Орион-ловец,
40 Заслушавшись, ни льва, ни рыси торопливой.

Фет А. А., 1856

XIV

Постумий, Постумий, как быстро бегут
Веселые годы; напрасно моленья
Морщинам и смерти минуто медленья
От неба зовут.

5 Хотя б ежедневно тельцов на убой
Стадами гонял ты, не тронешь Плутона:
Нещадный тройного смирил Гериона
Коцита волной.

И та же всех участь безжалостно ждет!
10 Кто черпал из чаши земных наслаждений,
Хоть царь он, хоть житель убогих селений
За Стикс поплывет!

Что ж Марса боимся кровавых полей?
Что ж Адрия бурный в слух ужасом плещет?
15 И дряхлое тело не тщетно ль трепещет
Осенних дождей?

Заутра ли, ныне ль мы видеть должны
Аида печально бродящие воды,
Где тяжкие кары в несчетные годы
20 Сизифу даны,

Где дочери Даная... Постумий! Простись
С землею, с стяжаньем, с подругою милой!
За кратким владельцем взойдет над могилой
Один кипарис.

25 И тщетно берег ты под сотней замков
С вином многолетним сосуды драгие:
Наследник им смочит подмосты резные
Под песни жрецов.

Орлов В. И., 1830

XV

За десятиной десятину
Дворцам все уступает плуг,
Подобно озеру Лукрину
Пруды раскинулись вокруг:

5 Все клен безбрачный, ильмов мало,
Средь мирт фиалка расцвела,
Где у хозяина, бывало,
С плодами маслина росла.

Хотят, чтоб лавр, листвою укрытый,
10 Лучи полудня укрощал...
Не так судил Катон небритый,
Не то нам Ромул завещал.

Свои у них скудели клады –
Но общий был обогащен,
15 И портик длинный для прохлады
На север не был обращен.

Гражданам кирпичом дерновым
Претил закон пренебрегать,
Казне внушая камнем новым
20 Градские храмы украшать.

Phi A. A., 1856

XVI

Спокойства просит от небес
Застыженный в Каспийском море,
Коль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
5 Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит перс пужливый,
Турк гордый, росс властолюбивый
И в ризе шелковой манжур.

Покою, мой Капнист, покою!
10 Которого нельзя купить
Казной, серебряной, златою,
И багрянницей заменить.
Сокровищами всея Вселенной
Не можешь от души смятенной
15 И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.

Счастлив тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб да соль
20 Поставлены и сон приятный
Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым, —
Кто малым может быть довольным,

Богаче Креза самого.

25 Та к для чего ж в толь краткой жизни

Метаться нам туды, сюды,

В другие земли из отчизны

Скакать от скуки иль беды

И чуждым солнцем согреваться?

30 От пепелища удаляться,

От родины своей кто мнит –

Тот самого себя бежит.

Заботы наши и беды

Везде последуют за нами,

35 На кораблях чрез волны, льды,

И конницы за тороками;

Быстрее оленей и погод,

Стадами облаки женущих,

Летят они, и всюду сущих

40 Терзают человекoв род.

О! Будь судьбе твоей послушным,

Престань о будущем вздыхать;

Веселым нравом, равнодушным

Умей и горесть усладить.

45 Довольным быть, неприхотливым,

Сие то есть, что быть счастливым –

А совершенных благ в сей век

Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
50 Достойный в памяти остался!
Римникского печален стал;
Сей муж, рожденный проставляться,
Проводит ныне мрачны дни –
Чего ж не приключится с нами?
55 Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада, бляя, на луг,
С зеленого холма глядятся
60 В текущий стеклянный Псёл вокруг;
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плугов,
Блестят и сад твой тьмой плодов,

65 Когда тебя в темно-зелену,
Подругу в пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бежит от вас печаль –
Как вкруг вас радости и смехи,
70 Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну, –
То скука вас не шлет ко сну.

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой –

75 К отраде дом дала и сад
Сей жизни скучной, развлеченной,
И некую Поэта тень
Да правду возглашу святую –
Умей презреть и ты златую,
80 Злословну, площадную чернь.

Державин Г. Р., 1797

XVII

Почто ты жалобой твоею,
Почто мою терзаешь грудь!
Чтоб ты скорей меня окончил жизни путь,
Не сходно с волей то моею,
5 Не сходно с волею богов,
О Меценат, моя подпора и покров!

Увы! коль строгая судьбина
Тебя, о полдуши моей!
Безвременно сразит, почто в разлуке сей
10 Не столь драгая половина
Здесь будет жертвой скорбей злых?
Нет, нет; один нас день в гроб сринет обоих.

Я клялся клятвой неизменной;
Дай руку, друг мой! поспешим:
15 Коль в невозвратный путь, в последний путь, моим
Предтечей быть тебе сужденно,
Не раз, лучась, пойдем, пойдем –
И вместе гробовой порог перешагнем.

Ни зев Химеры воспламененный,
20 Ни вновь родясь сторукий Гиг
Не разлучат меня с тобою ни на миг:
Так правосудия священный,

Благотворительный завет,
Так милосердных Парк определил совет.

25 Весы ль, в день моего рожденья,
Приосеняли небосклон,
Взирал ли на меня ужасный Скорпион,
Столь страшный в час его восхожденья,
Предвестник ли морских тревог,
30 Гесперской глубины, владыка, Козерог;

Но удивительно согласны
Созвездья наши меж собой.
Сам Юпитер сдержал уж над твоей главой
Удар Сатурна столь ужасный,
35 И крылья рока отягчил,
Когда трикратный плеск феатры оглушил.

Под падшим древом пал я б мертвый,
Когда б меня, в тот грозный час,
Питомцев Гермеса хранитель, Фавн не спас.
40 Ты, тучные заклавши жертвы,
Воздвигни храм бессмертным в честь;
А мне довлеет им ягненка лишь принесть.

Капнист В. В., 1820

XVIII

Ни костью дорогой, ни златом
Не блещет храмин свод простой
В моем жилище небогатом,
Где я душе обрел покой;

5 Ни славны мраморы Гимета
Высоких не тягчат столбов,
Иссéченных на диво света
Резцом ливийских хитрецов;

Атгалу древнему роднею
10 Себя причесть я не дерзал;
Гордец, безвестностью своею
Дворцов царей не посрамлял;

Клиентов дщери именитых
Мне тканей нежных не прядут,
15 Червцом Лаконии омытых;
Но рок мне дал ум, здравый суд

И дар, любимый Аполлоном.
Корысть благая! – Мой венец!..
Для ней и к бедному с поклоном
20 Ко мне идет богатый льстец!

О чем еще стужать мне боле
Богам превыспренним мольбой?
В моем сабинском малом поле,
Богат, доволен сам собой,

25 Стыжусь могущего я друга
Нескромной просьбой утруждать!
Спокойство, сладости досуга!
Что может вас мне заменять?

Смотри, стяжатель!.. Над землею
30 День днем стирается другим!
Любуясь радости зарею,
Вдруг зрим костра могильный дым!

Теперь Фортуну ловим злую,
Чтоб завтра же о ней тужить!
35 А ты... и землю гробовую,
Слепой, хлопчешь набутить

Богатством мраморов привозных;
Забыв могилу, строишь дом!
И море, в треволненьях грозных,
40 Ты хочешь отягчить ярмом

И дале прешь его берегами,
Несытый сушей, островами!..
Но так и быть!.. Скажи, как смел
Ступить ногою дерзновенной

45 Чрез термин ближнего священный
Клиента своего в предел,

На хлеб его насущный жадный!..
Влекутся, изгнанны тобой,
Супруг, супруга безотрадно
50 В леса из хижины родной,

Пенатов отческих износят
И вретищем повитых чад!..
Малютки плачем пищи просят!..
Но дом, твой дом надежный – ад!

55 Корысть ли – бедных пепелище!
Вельможе алчному не здесь,
Нет, Оркуса несыта весь –
Определенное жилище...
Куда ты залетел в мечтах?
60 Земля, которой все мы пища,
Разверзнется равно для нища
И для блестящего в венцах!

Плутона вестовой на злато
Желательных не клонит глаз;
65 Ах! от него и ум крылатый
Тебя, Япетов сын, не спас?

Он гордость Тантала высокоу,
Он оковал Танталов род!..

Гроза надменному пороку,
70 Награда правых и сирот –

Снять с бедного тяжело бремя
Трудов, напастей и скорбей, –
Незванный, званный в благо время,
Друг-утешитель – у дверей.

Мерзляков А. Ф., 1815

XIX

Я видел Вакха! (веруй потомство мне!)
В далеких скалах нимф он стихам учил;
Они твердят, а козлоноги
Сатиры ухом внимают острым.

5 Эвое! смутным дух мой веселием
Объят. Волнуюсь; Вакхом исполнена,
Моя трепещет грудь... пощады,
Либер! пощады, вращатель тирса!

Охотно стану петь о ликующей
10 Фиаде; петь, как млечные, винные
Ручьи в берегах богатых льются,
Каплют меда из дуплов древесных.

Твоей супруги в звезды поставленный
Венец, Пенфеев дом опровергнутый,
15 Фракийского Ликурга дерзость,
Смертью наказанну, петь я стану.

Ты держишь реки, море в послушности;
Тобой внушенна, в дебрях Вистонии
Свои власы дерзает Нимфа
20 Связывать туго змеей, как лентой.

Когда Гиганты горды воздвигнулись,
Тогда, защитник царства родительска,
Вонзил ты львины когти в Рета,
Лютым его отразил ударом.

25 Хотя дотоле всякому мнилось,
Что ты рожден лишь к играм и пиршествам,
Но ты явился сколько к мирным,
Столько и к бранным делам способен,

В Тенар ли сходишь, рогом украсившись
30 Златым, – внезапно Цербер смиряется;
Ползет к тебе, хвостом ластяся,
Ногу тремя языками лижет.

Востоков А. Х., 1802

XX

Необычайными и мощными крылами,
Ширясь в воздухе, помчуся я, певец:
Изменится мой лик, расстанусь с городами
И зависти земной избегну наконец.

5 Что бедны у меня родители – ты знаешь,
Но разрушения их чадо избежит.
Меня, о Мecenат, ты другом называешь –
И Стикс своей волной меня не окружит!

Рубчатой кожею, уж чувствую теперь я,
10 Покрылись голени, а по пояс я сам
Стал белой птицею, и молодые перья
По пальцам у меня растут и по плечам.

Уже несясь быстрее Дедалова Икара,
Босфор клокочущий я под собой узрел;
15 Гетульски сирты и край земного шара
Я певчей птицею на крыльях облетел.

Колхиец и Гелон мне внемлет отдаленный,
И Дак, скрывающий пред строем Марсов страх,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.